

ЕВГЕНИЙ МАМЫКИН

НЕБО И ЗЕМЛЯ

ПОВЕСТЬ

За окном стояли солнечные, тёплые дни с безоблачным небом и чуть заметным ветерком. В кабинете комбрига 237-й танковой бригады подполковника Викторова шло совещание с участием маршала Советского Союза Жукова. Дверь распахнулась, и в кабинет комбрига вошла девушка в форме капитана.

— Товарищ комбриг! Разрешите доложить... — Она увидела Жукова и обомлела. Но быстро пришла в себя: — Товарищ маршал Советского Союза! Разрешите обратиться к товарищу подполковнику!

— Разрешаю.

— Товарищ подполковник! Капитан Бондарь по вашему приказанию прибыла!

— Вольно. Ну что, Нина, решением командования твой экипаж удостоивается почётногo участия в Параде Победы, который пройдёт в Москве.

— Спасибо, товарищ подполковник! Служу Советскому Союзу!

Опустив голову, Нина добавляет:

— Мне бы в отпуск лучше, к маме.

В разговор вступает Жуков:

— Будет тебе отпуск, и в параде поучаствуешь. Поможем с отпуском?

— Так точно, товарищ Жуков!

— Трёх суток хватит, капитан Бондарь? — обращается к Нине комбриг.

Мамыкин Евгений Вячеславович родился в 1968 году в Бийске. Окончил Бийский государственный педагогический институт. Работал в школах города в качестве учителя труда и физкультуры. В 2001 году окончил юридический факультет Алтайского государственного университета. Работал юристом на предприятиях города. В настоящее время сотрудник Межрегионального общественного фонда имени Михаила Евдокимова.

- Никак нет.
- Почему?
- Мама живёт на Алтае, а это очень далеко.
- Организуйте перелёт капитана Бондарь. Пять суток хватит, капитан?
- На самолёте хватит, товарищ Жуков!

Она подошла к самолёту, и вдруг у неё защемило сердце. Как давно она не летала! С чувством радостной тревоги поднимается в самолёт. Из кабины самолёта выходит лётчик со словами:

— Это вы ценный пассажир?

В лётчике Нине кажется что-то знакомое. Это же Клава Фёдорова, с которой она закончила авиационное училище в Омске.

— Клава! Ты ли это?!

— Я, Нина, я! Мы же все думали, что ты погибла тогда, при перегоне самолётов. Немец тебя подбил, и мы видели взрыв на земле.

— Нет, я успела выйти из пике и выпрыгнуть с парашютом, а фашист врезался в землю.

Они крепко обнялись и заплакали.

— Пора лететь. Перелёт будет долгим. Надень куртку, в полёте будет холодно.

Она вспоминала школу и один из жарких майских дней перед сдачей экзаменов на аттестат, когда пришёл инструктор из аэроклуба.

— Есть желающие поступить?

И тут Нина поняла, что хочет стать лётчиком. В последние дни ей только и снилось, что она летает! Летит над крышами домов, над городом и над рекой Бией. Земля сверху такая красивая, что плакать хочется. Просыпалась вся в слезах...

Несколько человек из класса, в том числе и Нина, записались в аэроклуб. Прошли медицинскую и мандатную комиссии. И началась учёба. Первое время изучали устройство самолёта, затем как управлять им. Первый свой прыжок с парашютом Нина запомнила на всю жизнь. Падают в реку, парашот накрывает, вода холодная! Спасатели на лодках караулили учащихся и быстро вытаскивали из воды...

Нина начала полёты очень уверенно. Любила похулиганить в воздухе. Над городом давали зону облёта. Она низко спускалась, летела чуть не по крышам. Дома бабушка ругалась:

— Черти тебя носят! Ты, холера, чуть трубу не снесла!

Инструктор тоже делал замечание:

— Почему так низко летаешь?!

— А мне просто нравится летать. Я чувствую небо! — отвечала Нина.

В ночь с 21 на 22 июня 1941 года инструктор назначил нескольким курсантам, наиболее уверенным в себе, ночные прыжки с парашютом. В небо улетали в мирное время, а на землю вернулись уже в войну!

В училище, куда зачислили Нину, была только одна эскадрилья девушек, таких же настойчивых, целеустремлённых, как она. Это её очень обрадовало. Словно в родную семью попала.

В октябре состоялся первый выпуск командиров-лётчиков. Нине присвоили звание младшего лейтенанта. Одели в красивую лётную форму, и в тот же день они выехали в распоряжение командующего военно-воздушными силами Западного фронта под Москву. В штабе поставили задачу: перегнать самолёты с одного аэродрома на запасной.

Нина подняла свою машину быстро и легко. Очень радовало, что машина хорошая, послушная. Ровно поёт мотор. Проплывают под крылом леса, деревни, дороги. По дорогам идут танки, автомашины, пехота. Строй самолётов выровнялся. Летели клином, как журавли. Майор держал высоту не более трёхсот метров. Нина поняла его манёвр: в случае опасности легко перейти на бреющий полёт. Те, кто побывал в боях, ещё в училище рассказывали: это лучший манёвр при встрече с немецкими самолётами.

Примерно через час Нина заметила в небе серебристые точки самолётов, насчитала более сорока. И вдруг от них отделились две и ринулись прямо навстречу тихоходной девичьей эскадрилье. Вот уже видно, что это немецкие истребители. Они не сворачивают, не сбавляют скорости, словно проверяют на смелость и выдержку. Нина вспомнила фильм про Чкалова, где показан учебный воздушный бой, когда пилоты не хотели друг другу уступить и чуть было не столкнулись. Вот и эти пугают.

Нина делает манёвр и направляет самолёт в сторону впереди идущего вражеского истребителя, жмёт на гашетку. Немец загорается. Где же второй? А второй сзади. Догоняет её. Нина переводит самолёт в пикирование. Чем-то больно ударило по ногам. Кое-как вывела самолёт из пикирования. И почему-то вспомнила голубя над рекой, который спасся от истреба, — картинку, которую она своими глазами видела накануне войны.

Снизу звучит страшный взрыв, из-за которого самолёт Нины начинает терять высоту. Не чувствуя левой ноги, Нина вываливается из кабины самолёта, парашют раскрывается, но не полностью. Высоты не хватает. Удар о землю. Нина теряет сознание. Подоспевшие солдаты поднимают её и несут в санитарную машину.

Очнулась в госпитале.

— Что с ногами? Они не двигаются, — спрашивает Нина у подошедшего врача.

— У вас пулевое ранение левой ноги и перелом правой. Мы её собрали по частям. Ходить сможете.

— А летать, летать я смогу?!

— Летать нет. А в медицину, радистом, пожалуйста.

— Нет, только на фронт, — возразила Нина и, уткнувшись в подушку, тихо заплакала. Ведь она сильная, сможет вернуться в авиацию, несмотря на запреты врачей!

Ребята, которые уже успели побывать в боях и сами сейчас находились в госпитале, предложили записаться в танковое училище, куда уже шёл набор добровольцев. Сначала она боялась, что девушек туда не возьмут, но они настояли и написали письмо на имя самого Сталина, приложив к нему список желающих учиться в танковом училище. Была в этом списке и Нина. Скорее всего, никому и в голову не пришло, что это девушка. Даже в госпитале, в документах, когда видели Н. И. Бондарь, часто писали Николай.

Перед самой выпиской в палату, где лежала Нина, вошёл суровый военный.

— Кто из вас младший лейтенант Бондарь? — спросил военный.

Нина, опираясь на костыли, бодрым голосом ответила:

— Я!

— Девушка?

— Так точно!

— За мужество и героизм, проявленный в воздушном бою, Указом Президиума Верховного Совета СССР награждается орденом Красной Звезды Бондарь Н. И. — И вручил Нине коробочку с наградой.

— Служу Советскому Союзу!

— Если все будут так воевать, как товарищ Бондарь, мы скоро победим врага, — попытожил суровый военный.

А вскоре пришло одобрение на её ходатайство. В Москве она долго плутала по улицам, пока разыскала управление кадров бронетанковых войск.

Начальник отдела с утомлёнными, покрасневшими от бессонницы глазами долго читал её личное дело.

— Почему вас списали из авиации?

Хотела огрызнуться, что в личном деле всё написано, но сдержалась.

— Из-за ранения. Сейчас всё прошло, я совершенно здорова, товарищ полковник.

— Вы танковую службу представляете?

— Так точно, я умею водить и трактор, и автомобиль...

— Это ещё не всё, что нужно.

— Я понимаю, но я ничего не боюсь и не прошу ничего, кроме возможности учиться и пойти в бой. Как вы не поймёте?!

— Успокойтесь. Всё понимаю, но если вы силы свои не рассчитали? А ведь вам будут доверены люди, техника.

Нина сжала губы, чтоб не сказать какой-нибудь резкости. Ему-то чего бояться? Сидит здоровый, чистенький, в тёплом сухом месте и рассуждает об опасности, об ответственности.

Подполковник связался по телефону с каким-то, судя по вежливому тону разговора, большим начальником.

— Есть! Сейчас едем.

Подполковник встал из-за стола, одёрнул гимнастерку и, сильно прихрамывая на левую ногу, пошёл к выходу, приказав Нине:

— Идите за мной.

Они вышли из здания. У подъезда уже стояла легковая машина.

— Садитесь.

Когда Нина села, он с трудом разместил свою негнущуюся ногу. Ехали долго по вечерней затемнённой Москве. Подполковник всю дорогу молчал. Нина не решалась спросить, куда они едут. Тайно надеялась, что к товарищу Сталину, и очень трусил. Вспомнилось, как провозжали ребята из резерва, многие из них уезжали в Саратовское танковое училище и ей наказывали, чтоб туда же просилась. Ребят очень удивило, как она осмелилась написать письмо Сталину. Отшутилась:

— А он мне дядя, потому и вызвал в Москву.

Машина остановилась возле подъезда высокого здания. Разделись в гардеробе. Подполковник внимательно со всех сторон критически осмотрел Нину.

— Ничего, сойдёт, — подвёл он итог осмотра, — не на бал. Война...

Нина мысленно похвалила себя: как бы трудно ни было, а успела привести себя в порядок.

— Обстановка такова, товарищ Бондарь, — сказал подполковник, — сейчас с вами будет беседовать маршал Ворошилов.

— Ворошилов?!

Они поднялись по широкой лестнице на второй этаж, прошли длинным, с высоким потолком коридором.

— Вот. Это приёмная. Да ты не тушуйся, — неожиданно перешёл на "ты" подполковник. — Климент Ефремович не любит тюх-матюх. Смелее.

Нина глубоко вздохнула. Так она всегда делала, когда решалась на что-нибудь отчаянное. Но за высокой дверью её встретил моложавый полковник, он кивнул головой, подошёл к двери и, открыв её, сказал Нине:

— Сюда входите. Маршал ждёт вас, товарищ Бондарь.

Нина увидела в глубине просторного кабинета массивный стол и за ним Ворошилова, пошла строевым шагом, чуть прихрамывая на раненую ногу. Маршал вышел из-за стола, дождался, когда Нина отчеканила слова рапорта, и тихо, спокойно улыбаясь, произнёс:

— Вот вы какая! Проходите. Садитесь. — Он показал на мягкое кресло. — Ну, и задали же вы работы нашим кадровикам.

Только теперь Нина разглядела его. Точь-в-точь, как на портрете. Только роста небольшого, чуть повыше неё, да седины много. А глаза молодые, улыбчивые. Не приходилось ей разговаривать даже с генералами. А тут маршал, да ещё какой! Ворошилов!

— Рад познакомиться с вами, товарищ Бондарь. Ваша просьба удовлетворена. Будете учиться в танковом училище. После окончания будете командовать танком, а дальше — как сами себя покажете. Вы пока первая девушка-танкист в Красной армии. Понимаете, что это значит?

— Климент Ефремович... товарищ маршал, я всё, всё понимаю. Честное комсомольское слово, вы не услышите обо мне ничего плохого. Никогда. Я обязательно до Берлина дойду!

— Ну, ну. Прямо уж и до Берлина. Пока вот врага только от Москвы отогнали. Но это хорошо, что вы так убеждены в победе. Если встретите какое-нибудь непонимание со стороны командования, а это очень даже может быть, дайте знать. В то же время не ждите особого к себе отношения.

Командир учебной танковой роты, когда ему сказали, что в его роте будет учиться девушка, нагрубил начальнику строевой части и в тот же день получил “строгача”, а вечером сам с курсантами торопливо оборудовал в казарме место под жильё для необычного курсанта.

Курсанты, в основном парни её же возраста, шептались за её спиной, в строю похохатывали. Первое время отмалчивалась, присматривалась. А когда присмотрелась, на первом же комсомольском собрании высказала всё. И добавила под конец:

— Посмотрим ещё, кто из нас будет настоящим танкистом.

Ребята сидели красные от стыда и не знали, что сказать.

Секретарь комсомольской организации Витя Петров выручил всех.

— Ты, Бондарь, нас извини. Больше этого не повторится. Верно я, ребята, говорю? А насчёт соревнования правильно сказала. Давайте посмотрим, кто кого?!

Не просто, оказалось, угнаться за этой девчонкой. На спортивных снарядах, она, как птица, летает, особенно на брусках, бегают — не догонишь. А о грамоте говорить не приходится — в школе училась отлично. Ну, а потом узнали ребята и про аэроклуб, и про воздушный бой, за который она получила орден Красной Звезды, и что товарищ Сталин — “дядя”...

Недели через две после комсомольского собрания они с Витей в парке приводили ходовую часть танка в порядок. Во всей танковой службе — это самое муторное и трудоёмкое дело. Гусеница танка расчленяется на траки, и из каждого трака надо выбить спрессованную до крепости камня грязь. И ковыряют её, и кувалдой бьют.

— Вот же оказия, чтоб они сгорели, — ругался Витя, стараясь кувалдой выбить грязь из выемок в траке. — И на кой чёрт, кому эта чистота нужна? Ну, в моторе бы, а то железно голимое. В бою не до них...

— Устал? Дай я постучу, — предложила Нина.

— Ладно тебе! Не твоя забота, ты лучше внутри всё прибери, это по твоей части.

— Витя, ты в настоящем бою был?

— Да как сказать, Нина, отходили мы. Командир сказал держать оборону! Ну, и держали. С места огонь вёл. Ты же знаешь эту пукалку — “сорокапятку”. Ею только мух гонять, а не танки. Вот у “тридцатчетвёрки” пушка как пушка. Ну, высмотрел меня фриц и выстрелил. Будто вот такой кувалдой по башке кто огрел. Вытащили меня ребята из машины, кое-как до своих добрались. Вот и весь бой. А к чему ты спросила?

— Смогу ли я? Вдруг струшу.

— Конечно, струсить. Первый раз все трусят. Ни черта же не видно. Хорошо, если попадётся механик-водитель толковый. У нас был так себе парень. Тракторист недавний, какой с него спрос. Он и о танках-то едва слышал. Ну, и угораздило же тебя в танкисты. Уж лучше бы в зенитчики. Там хоть служба чистая. А тут — беда. К девчатам не сходишь: за версту соляркой, мазутом несёт... Нина, я всё хотел спросить тебя: жених у тебя есть какой?

— Нашёл заботу. — Нина опустилась через люк в башню танка, и разговор сам собой прекратился. Но не забылся. Недаром же покраснела Нина при вопросе Виктора. Потому и нырнула в люк.

Вспомнила аэроклуб, Бийск. Как это было давно! Словно во сне, словно не с ней. Нет, женихов у неё не было. И не будет до конца войны. В это она верила. Она будет командиром-танкистом. Задумалась, протирая ветoshью пушку, прицел. Но почему она от дружбы бежит? Это же совсем другое дело. Сама себе монастырь создала среди ребят. Они всей душой, а она, как коза дикая. Ну, дурёха!

Виктор — земляк, он из Рубцовска, небольшого городка на Алтае, и стал первым другом, товарищем. Ребята из взвода между собой договорились Нину освободить от тяжёлой работы. Нина это заметила и взяла на себя другую нагрузку — помогала всем в теории, в изучении техники. Моторы она знала ничуть не хуже преподавателей, и ей даже поручали, особенно в часы самоподготовки, проводить занятия по устройству моторов или по теории ар-

тиллерийской стрельбы, где очень важно было знать математику. А она ей давалась легко.

Как-то ещё в начале учёбы Нина замешкалась в башне танка, приводя после рейса танк в порядок, и услышала разговор:

— Ну, как твоя курсистка? — спросил один голос.

Узнала — командир батальона.

Ответил командир роты:

— Наплачемся мы с этим танкистом в юбке, — и добавил ещё что-то.

Нина не сдержалась. Поднялась резко из люка.

— Товарищ капитан, и вам не стыдно? Я делаю всё, что делают курсанты, и даже больше. А вы... Мало мне приходится терпеть от курсантов, так ещё и вы...

Командиры смутились, оба покраснели. Первым опомнился комбат.

— Капитан Третьяков, извинитесь перед курсантом Бондарь.

Капитану ничего не оставалось делать.

— Извините, товарищ курсант Бондарь. Нехорошо получилось.

А командир батальона добавил:

— За нетактичное и грубое поведение по отношению к девушке объявляю вам, капитан, выговор.

— Есть выговор!

Нина, не спросив уставное: “Разрешите идти?” — отошла от танка.

Майор ткнул капитана в бок.

— Влипли мы с тобой.

— Кто знал, что она там сидит. Вот настырная.

— А ты дурак, если прямо сказать. У тебя такая возможность для воспитательной работы. Где это видано — девушка-танкист? Придёт время, ты ещё и рад будешь, что Бондарь училась в твоей роте. А девчонка-то ничего!

— К ней пытались подкатиться кое-кто, отшила почище, чем нас с тобой сейчас...

Командиры мужчины молодые, здоровые. Их недавно отозвали с фронта. Нужно передавать курсантам боевой опыт. Оба горели в танке, чудом спаслись, и оба больше всего ненавидели эту тыловую службу. После трёх месяцев работы в училище подали рапорт об отправке на фронт. Начальник училища даже разговаривать не стал с ними, а написал на рапортах резолюцию: “Мальчишки!”

А теперь ещё этот танкист в юбке укоряет! Оба готовы были провалиться сквозь землю. Хорошо ещё, что никто не слышал этого разговора.

В училище были разные системы машин: тяжёлый “Т-28”, “БТ-7”, “БТ-70” и даже старый малютка “Т-27” с одним пулемётом; скорее, это был броневедомитель, только на гусеницах. Совсем недавно училище получили новые “Т-34”, которые теперь заменяли средние танки. Ради них и проходили учёбу курсанты. Войска получали таких машин всё больше, а использовать по-настоящему их было некому: не хватало командиров.

Этот танк казался Нине самолётом, только без крыльев. Такая у него была обтекаемая, устремлённая вперёд форма, и внутри для экипажа созданы удобства, почти как в самолёте. Переговорное устройство и радиосвязь есть.

Командир роты для всех курсантов училища показал боевые возможности танка. Он на большой скорости гонял его по пересечённой местности, разворачивал на все 360 градусов, нырял в котлованы с водой, и мокрый, словно конь в мыле, танк вылетал с рёвом наверх, снова летел по полю, стрелял из пушки по мишени с ходу, с остановки.

— Вот это машина! — восхищались курсанты. Каждому не терпелось сесть за её рычаги.

Но преподаватели, командиры рот, взводов не торопили события. Политзанятия, тактика, строевая, стрелковая, химическая подготовка и ещё целый десяток боевых дисциплин значились в расписании. И это всё надо было знать.

Молодые курсанты, кто ещё не побывал в боях, с нетерпением ждали конца учёбы. Так можно в тылу просидеть и войны не увидеть! А те, кто

в училище пришёл с фронта или из госпиталя, не спешили и другим не советовали спешить. Они знали — войны с лихвой хватит на всех, надо только хорошенько овладеть новой техникой.

Весной сорок второго программу подготовки значительно сжали. Остались главные дисциплины — тактика, вождение танка, стрельба из танковой пушки и пулемёта.

Под конец учёбы, в холодный мартовский день с Ниной приключилась беда. А может, и не беда... Командир роты приказал ей сесть на место механика-водителя во второй танк и следовать по маршруту танкодром — училище. Первый танк вёл сам командир роты. В третьем ехал за водителя заместитель начальника училища подполковник Золотарёв — страстный любитель вождения танка.

На танкодроме командир взвода поставил Нине оценку “хорошо”, похвалил за аккуратность при вождении, при преодолении препятствий, но предупредил, что надо быть решительнее.

— Раздумываешь, Бондарь, долго. А в бою на это времени нет.

— Да я не раздумываю, товарищ старший лейтенант. Рычаги не отожмёшь. Смазка загустела. Надо бы отогреть. А то можно заехать куда-нибудь.

— Какая там смазка! Другие же водят.

Нина закусила губу. Опять... Ладно.... И пожалела, что не настояла на своём.

При спуске с невысокого косогора почувствовала, что танк стал неуправляемым. Заклинило рычаги поворотов, не поддаётся ноге рычаг подачи горючего. А внизу под склоном — поворот влево, и недалеко от поворота чуть видна из-под снега крыша избушки. Это окраина небольшой деревушки. Ни остановить танк Нина не может, ни повернуть. Валенком стучит по педали главного фрикциона, тянет изо всех сил двумя руками левый рычаг. Пот заливает глаза.

Командир танка кричит над головой:

— Газ сбрось! Слышишь? Да тyani ты рычаг!!!

Как будто Нина не знает, что делать.

Танк перемахнул по прямой через небольшой кювет, зарылся в глубокий сугроб, подняв облако снега. И врезался в угол избушки.

Не снег бы, который смягчил удар, от избушки осталось бы одно воспоминание. В ней хозяйка, ветхая старушка, у печки разжигала самовар, да так и замерла, когда что-то грохнуло над головой. Посыпалась земля с потолка. Потолочная балка упала на печку. Тем и спаслась старушка от смерти.

— Свят, свят! — крестилась она. Так и нашли её курсанты у самовара.

Нина вместе с командиром танка с трудом завела танк, включила заднюю передачу и развернула машину к дороге.

А у избушки уже народ деревенский собрался. Старушки причитают да ахают. Когда подошла Нина, хозяйка избушки уже в себя пришла. Не кричала, не плакала. Она в такой же, как сама, ветхой шубейке стояла около избушки, скорбно глядела на дела Нины, и скупые слезинки скатывались по морщинистым щекам. Нина подбежала к ней.

— Бабушка, простите меня. Это я виновата. Не смогла повернуть танк.

Старушка изумленно смотрела на неё.

— Никак, девка? — спросила старушка.

— Ну, да...

— Это что же, мужиков нет, что ли? — сердито, сильно окая, спросила старушка, у всех. — Девку в такую машину посадили. Где ж ей... Что же ты, девонька, села туда, если не могёшь...

— В чём дело? — раздался громкий хриплый голос. Нина обмерла. Это заместитель начальника училища подполковник Золотарев.

Командир танка доложил:

— Товарищ подполковник, водитель Бондарь не справилась с управлением, и вот, — он показал рукой на свороченный угол избушки.

Подполковник обошёл избу, взглянул на угол.

— Ну что, хозяйка, будем делать?

— Да делать-то нечего. Избушке сто лет. Она была такой же старой, когда я замуж выходила. Уж не о ней жалеть. Да вот беда, жить-то негде. Куда я теперь? Два сына на войне. Да эвакуированные у меня квартируют, невестка с детьми. Вот беда-то.

— Ладно, бабушка, не расстраивайся. Пока соседи тебя приютят. Отремонтируем мы тебе избу. В воскресенье как новая будет, — подвёл итог разговору подполковник и скомандовал курсантам:

— По танкам!

Курсанты разбежались по танкам, остановились у люков. Подполковник подошёл к Нине. Она и командир танка стояли навытяжку возле чуть слышно гудящего танка.

— Что произошло, курсант Бондарь?

— Смазка замёрзла, заело рычаги поворотов.

— Ну-ка, попробуем. — Он ловко нырнул в люк. Танк рывками проехал несколько метров. И вскоре голова подполковника в шлеме показалась из люка.

— Командиров роты и взвода сюда!

Нина побежала. Командир роты уже, наверное, подъезжал к училищу, не обратив внимания на то, что танки отстали. Командир взвода бежал к танку и на ходу отчитывал:

— И как тебя угораздило? Заварила кашу.

Нина молча бежала за старшим лейтенантом. Хотела напомнить о разговоре на танкодроме, но ожидала, что сейчас командиру взвода скажут и без неё. Подполковник уже вылез из танка. Он, не выслушав рапорта старшего лейтенанта, жестом показал:

— Садись и веди танк в училище. Бондарь — в мой танк за водителя!

Нина уверенно, по всем правилам вождения повела танк. Понимала — это для неё самый серьёзный экзамен из экзаменов. И она его выдержала с честью!

— Молодец, курсант Бондарь, — сказал подполковник, когда она точно, с первого захода, поставила танк в парк училища в общий ряд со всеми. — А избушки, всё-таки, надо объезжать стороной.

— Есть объезжать!

В начале июня 1942 года ускоренным темпом были проведены экзамены курсантов. Перед отъездом на фронт ребята, кто успел завести знакомство среди городских девушек, устроили вечеринку с танцами. Пригласили и Нину. Потом она пожалела, что пошла. Своим видом, а обмундировали курсантов с иголочки, она ввела в смущение девчат: получилось вроде бы — вот, дескать, как надо поступать в военное время. Командирская форма будто специально создана для Нины. Курсанты привыкли видеть своего старшину в брюках, в курсантской застиранной форме, разношенных сапогах. Словом, была, как все, не выделялась ничем. Кое-кто даже начал забывать, что их старшина женского пола. А тут на вечеринке удивились. Нина была неузнаваемой. Чёрная пилотка на тёмно-русых волосах, габардиновая гимнастёрка с отложным воротничком, петлицы с лейтенантскими кубарями, портупея, кобура сбоку и чёрная аккуратная юбка. Парни невольно косятся на её высокую грудь под гимнастёркой, на стройные сильные ноги в хромовых сапогах.

Не получилось вечеринки. Девчата грустили, заскучили и засобирались вскоре по домам, парням же хотелось побыть вместе. Встретятся ли теперь когда? Едут в огонь войны. Туда дороги широкие.

Нина поздно поняла свою промашку. Но ей тоже хотелось побыть вместе со своими. Это же её ребята! Встретит ли она ещё где такую же бескорыстную дружбу? Разве она не видела, как они вместо неё подставляли свои плечи, делили её груз на всех, ограждали от обид?..

Когда девушки засобирались домой, а за ними начали собираться и ребята, Нина налила в рюмку вина и попросила:

— Тише, ребята! Дайте, я на прощание скажу тост, как смогу.

Все затихли.

— Ребята, дорогие мои товарищи! Мне сегодня очень, очень хорошо оттого, что я всех знаю, со всеми училась, и очень грустно, что мы расстаёмся, может быть, навсегда. Но я хочу, чтобы мы все оставили в памяти вот этот не очень весёлый вечер и наше танковое училище, и нашу дружную роту. Я хочу вышить за победу, чтобы мы все вернулись домой, чтобы вы встретили своих девушек.

Нина пригубила рюмку, закашлялась с непривычки.

— Пойдём, Витя! Проводи меня, если ты свободен.

До самого КПП училища шли молча. Нина ждала особенных слов от Виктора и знала, что оборвёт его, но всё-таки ждала. Что он скажет? Любила ли она его? Нет. Нисколько. Просто привыкла. Он очень красив, не очень умен, не хватает, как говорится, звёзд с неба. Он был вроде защищён от соблазнов. Многие удивлялись их дружбе. Виктору завидовали.

Возле КПП Витя замедлил шаги.

— Не торопись, Нина. Давай постоим. Ты на юг едешь, а я под Калинин, ясно, что больше мы не увидимся. Если только после войны. Рядом ведь живём. Я бы мог тебе, Нина, рассказать, как я тебя люблю и как я тебя уважаю. Но знаю, не для тебя эти слова. Верно ведь?

Нина не ответила.

— В общем, ты сама всё знаешь. Все ребята в тебя влюблены, и я не знаю, что ещё сказать... Можно тебя поцеловать?

— Ой, Витя, чудик ты мой преданный, — засмеялась Нина и сама поцеловала Виктора. Потом сказала:

— Разве об этом у девушек спрашивают? Пошли в роту.

— Ну, ещё немного постоим. А?

— Как хочешь, а я пошла, — сухо ответила Нина.

Она проснулась от сильной тряски. Самолёт попал в “воздушную яму”. Открыв глаза, осмотрелась по сторонам. Как же в самолёте чисто, прямо как в её танке. И ей вспомнилась первая встреча со своим экипажем. Трое танкистов стояли возле танка и приводили себя в порядок. Старшина Михаил Толмачёв, пожилой механик-водитель, прикрикнул на двух молодых танкистов:

— Ребята, полундра, комроты идёт и с ним какая-то цаца. Не иначе, опять докторша с уколами. Ей-богу, сбегу...

Сергей Зырянов, стрелок-радист, торопливо убрал свой чуб под шлем. От врачей жди всяких неприятностей.

— А ты хоть морду оботри. Подойдут — испугаются, — сказал старшина Ваньке Камышеву.

— Здравствуйте, товарищи! — поздоровался старший лейтенант.

Танкисты удивились. Они же виделись с командиром роты утром. Поздоровались не очень дружно, но с интересом посмотрели на смеющиеся глаза старшего лейтенанта Семёнова. Вот-вот расхохочется. Рядом с ним стоит в синем новеньком комбинезоне лейтенант — молоденькая девушка. Смотрит сердито и внимательно на каждого по очереди. Всё норовит в глаза заглянуть. Пауза затянулась. Первым не выдержал Серёга.

— Мы слушаем, товарищ старший лейтенант.

Командир роты не ответил, зачем-то подошёл к опущенному чуть ли не до земли дулу пушки, заглянул в ствол, покачал недовольно головой и снова подошёл к танкистам. А девушка-лейтенант всё стоит и смотрит. Старшина понял, что она разглядела его небритый подбородок, оторванную пуговицу на гимнастёрке, прожжённую дырку на комбинезоне. Михаил знал: никому не нравится его замызганный вид. Ходят тут разные, но что делать? Вот стоит, любитесь. Точно доктор!

А девушка роста невысокого, кареглазая. Под пилотку аккуратно зачёсаны тёмно-русые волосы, в талии тоненькая и вообще хрупкая девчонка. Видно, что на городских хлебах росла. Пальчики тоненькие нервно теребят комбинезон.

Наконец старший лейтенант заговорил:

— Дело такое, знакомьтесь — командир вашего экипажа лейтенант Бондарь, — и показал рукой на девушку.

— Что-о?! — почти одновременно воскликнули изумлённые танкисты.
Старший лейтенант Семёнов ещё раз повторил:
— Лейтенант Бондарь назначена командиром вашего танка. Всё.
Он обратился к Нине:
— Знакомьтесь с экипажем, наводите порядок. Я пошёл.
Нина осталась с растерянными танкистами.
— Ну что ж, будем знакомиться? — бодро спросила Нина танкистов, всё ещё не пришедших в себя от такого неожиданного известия. На войне всего можно ждать, ко всему были готовы танкисты, но такого сюрприза...
Первым опомнился Сергей.
— А вы что умеете делать? Это же танк!
— Спасибо за разъяснение, — насмешливо ответила Нина. — Чтоб у вас нормально шарика заработали, докладываю: я окончила танковое училище, до этого летала на самолётах, так что кое в чём разбираюсь. Хватит на первых порах для знакомства?
— А в боях были? — не унимался Сергей.
— На танке — нет.
О том, как подбила немецкий истребитель, распространяться не стала.
— Меня зовут Нина. Можно лейтенант. А как вас? — обратилась она к старшине.
Тот угрюмо ответил:
— Толмачёв Михаил, старшина, механик-водитель.
— А откуда родом?
— С Томской губернии я.
— Откуда, откуда? — обрадовалась Нина.
— Город Томск.
— А я из Бийска. Он раньше входил в состав Томской губернии. Почти земляки. Я рада, что будем вместе служить.
Михаил не ответил, и не видно было, что он рад такому обстоятельству. Нина прищурилась, с головы до ног окинула его взглядом и уже без всяких радостных ноток, по-командирски строго заметила:
— Чтобы я в последний раз видела вас небритым и таким... — она чуть скривила губы.
— Ладно...
— Не ладно, а есть!
Нина вроде бы не заметила его открытой молчаливой демонстрации, повернулась к Сергею. Тот не стал ждать вопросов, а весело, с улыбкой заговорил.
— Сергей Зырянов, стрелок-радист, двадцать второго года рождения, холост, комсомолец, из пехоты, в бою бывал, в танкисты попал по недоразумению.... Всё!
— Не густо. Ну, а вы? — спросила она третьего, чумазого по самые уши танкиста.
— А я чо? Мы пскопские, замковый, значит, ну, и комсомолец опять же... Иван Тимофеевич Камышев.
— Что же вы такой грязный?
— Да танк же...
— Сходите к речке, и чтоб через час были здесь в выстиранном обмундировании, и сами помойтесь. На кого вы похожи? Механик-водитель, доложите о техническом состоянии танка.
— В порядке. После боя он к нам, из ремонта. Готов к бою.
— А что делали с оружием?
Сергей вмешался в разговор:
— Пробивали. Знаете, что это такое? А сил не хватило. Одной человеческой силы.
Нина, сделав вид, что не заметила подковырку об одной человеческой силе, сказала:
— Оружие сегодня же привести в порядок. Завтра — учебная стрельба. Я хочу проверить слаженность экипажа.

— А вы и стрелять будете? — не унимался Сергей.

— Буду.

Сергей многозначительно посмотрел на старшину. Мимо танка стали пробегать танкисты с котелками, буханками хлеба.

— Товарищ лейтенант, разрешите сходить за обедом? На вас получать?

— Я не знаю. На довольствие ещё не поставлена.

— Значит, получать. Я мигом.

Нина легко, уверенно поднялась к башенному люку. Ожидала увидеть внутри башни полнейший беспорядок и очень удивилась — кругом идеальная чистота, снаряды протёрты, пол вымыт.

— Прицельную линию выверяли? — спросила она старшину.

— Нет, а что?

— Вот этим сейчас и займёмся.

— Так пробить же надо.

Нина отругала себя за рассеянность. Ничего не поделаешь, только после обеда можно заняться выверкой, то есть проверкой параллельности линии прицела и оси канала ствола. Довольно кропотливое занятие. В училище командир роты очень толково объяснил, как эту выверку сделать...

Стрельбой Нина и рассчитывала завтра поднять свой авторитет в экипаже. Она внимательно осмотрела всё внутри танка, покрутила рукоятки орудия, закрыла и открыла замок его. Молодцы какие! А не подумаешь по виду, что чистоту любят. Сами как кочегары, а тут хоть платочком вытирай. Пылинки не найдёшь.

Сергей, пока ходил за обедом, успел растрезвонить дружкам о своём новом командире. Конечно, никто не поверил. Когда Нина поднялась из люка, Сергей стоял возле танка и ложкой стучал по котелку, приговаривая:

— Бери ложку, бери бак, нету ложки — рубай так...

— А у меня, в самом деле, нет ложки, — сказала Нина.

— Найдём. Эй, ребята, у кого есть “собственный разводящий”?

Только теперь Нина заметила, что в отдалении от танка собралось с десяток танкистов. Смотрят на неё, чуть не открыв рот от удивления. Один из них крикнул Сергею:

— Вот, друг, бери, насовсем! Заветная, — и он подошёл к танку, не спуская глаз с необычного лейтенанта. Ухмыльнулся, глазами смерил Нину и вразвалочку отошёл. Нина услышала, как он вроде бы для ребят, но так, что бы слышала она, позавидовал:

— Повезло же чертям.

Нина вспыхнула от возмущения и очень обрадовалась, когда в ответ услышала:

— Дурак, хоть и танкист...

Михаил расстелил сравнительно чистый кусок брезента. Обедали молча.

— Иван Тимофеевич наш с горя, наверное, утопился, — сказал Сергей, пряча в тень под днище танка котелок с супом и крышку от котелка с кашей — обед Камышева, — ему же до конца войны не отмыться.

— А в башне навёл чистоту...

— Это он, — показал на Сергея Михаил. — Заел всех чистотой.

— Правильно сделал. Как же пробить ствол? Не сможем мы втрём.

— Сделаем! — Сергею понравилось выполнять приказы симпатичного лейтенанта. Были бы крылья — полетел. Ведь очень трудно найти такого командира.

Михаил, неразговорчивый, сердитый, будто его кто-то обманул: пообещал сделать одно, а сделал другое. Он самый пожилой среди танкистов не только своего экипажа, но и во всём батальоне. Ему тридцать пятый. Конечно, обидно воевать под командой какой-то девчонки.

Сергей сбегал к соседнему танку, замаскированному чуть в глубине рощи, и привёл оттуда нескольких танкистов. Они дружно застучали пробойниками и вскоре вытолкнули спрессованный, чёрный от гари кляп с глубоко врезавшимися от нарезки ствола канавками.

— Серёжа, теперь надо проверить прицельную линию. Знаете, как наклеить на дуло перекрестие из ниток? Вот нитки. Пушсалом намазать ствол.

Нет, лучше мылом, сало растопится. Там есть на срезе ствола риски. Наклей нитки. Вот и всё.

Нина поднялась в танк, развернула башню, чтобы выбрать удалённую точку наводки. Проверкой осталась довольна. Видно, что танк в бою находился недолго, всё в нём в порядке. Пулемёт, спаренный с пушкой, похоже, что и не стрелял ещё. Она пробралась на сидение механика-водителя, завела, опробовала на разных оборотах. Хорошая машина! Не опозориться бы завтра. Командир бригады сказал, что сам будет проверять стрельбу роты, и, конечно, с Нины спрос особый. Вот ведь судьба! Говорят — не женское дело, а спрашивают больше, чем с мужчин.

Здесь, в Задонье, безмятежная тишина. Танковую бригаду рассредоточили побатальонно в оврагах и глубоких балках, густо заросших кустарником, молодым дубняком. Некоторые танки окопаны высокими ровиками, но сделано это больше для формы, чтобы начальство не цеплялось. Фронт так далеко, что никто не верил в возможность его приближения к Дону.

Дни стояли жаркие, безветренные. С голубого неба нещадно палило солнце, и от него не было спасения ни в танке, ни под танком.

Иногда в сторону фронта пролетали самолёты. Как же Нину тянуло в небо, как же она хотела летать, находиться в самолёте и бить врага! Но её место теперь в танке, и она будет уничтожать фашистов на земле...

В первом бою осенью сорок второго Нина хоть и не растерялась, но и толку от неё было мало. Вышли на позиции выжидания под Воронежем. А потом пошли лавиной за огненным валом. И вот, сколько ни присматривалась Нина, не могла найти для своей пушки цель. Только мелькают отдельные пятна вывороченной разрывами снарядов земли. Так и прокатилась на танке, ни разу не выстрелив. Километров десять отмахали. Сделали остановку, спрятавшись за бугорок. Нина открыла люк, выглянула. Широко по степи, на сколько глаз хватает, расположилась танковая бригада. Катятся танки, поднимая за собой шлейфы степной пыли. Все стреляют, кто с ходу, кто делает короткие остановки. Видно, что и по нашим танкам стреляют, а кто и откуда — не видно. И вообще из этого боя Нина ничего не поняла. Подождала, когда три танка их роты поравнялись с её танком, и скомандовала Михаилу: “Вперёд!” И снова вырвался её танк из общей линии. В одном месте ей показалось, что впереди стоит пушка.

— Миша, дорожку!

— Есть! — И почти сразу же Михаил крикнул: — Дорожка!

“Дорожка” означало, что водитель привёл танк в состояние, когда его не трясёт, и можно стрелять. Нина выстрелила. Земля взметнулась перед пушкой. А когда ближе подъехали, то оказалась, что это брошенный кем-то железный бак.

Михаил старался держаться колеи, оставленной кем-то раньше. Может, танк прошёл или бронетранспортёр. Хорошая гарантия против мин. Командир роты по радио закричал:

— Третий! Третий! Куда вас чёрт несёт? Стой и не с места! Занять оборону. Впереди противотанковые мины и ров.

А как остановишься, если танк на самом видном месте? Нина высмотрела впереди небольшую высотку и решила укрыться за ней. Михаил, не сворачивая с проторенной дорожки, погнался к горке и там затормозил. Ни пехоты, ни танков вражеских рядом нет. Почему-то нет и связи с командиром роты. Что делать? Вперёд идти — приказа нет, на месте стоять без дела — не по себе становится от мысли: а если немцы рядом?

Но всё обошлось, и Нину даже похвалили. А командир роты, когда комбат сделал разбор боя на коротком перерыве, не то в шутку, не то всерьёз добавил:

— Дуракам всегда везёт. Лезет сломя голову. По ней пушка три раза ударила и не попала. Скажи спасибо экипажу второго танка. Он её уничтожил.

Нина не заметила, когда пушка стреляла по ним. Потом, после разговора с командиром батальона, подробно расспросила командира роты, что он

видел в бою и как сам бой шёл. Оказывается, она многого не видела. Больше всего боялась нарваться на мины. От мины редко танкисты гибнут, а танк всегда выходит из строя. Очень не хотелось терять свою “тридцатьчетверку” с номером три.

Потом было много боёв, больших и малых. Под Старым Осколом громили выходящие из окружения дивизии противника, танком брали пленных и на танке их гнали на сборный пункт. Обмороженных, больных, голодных. Глядеть-то было жалко на этих потерявших человеческий облик немецких солдат.

В одном из боёв погиб командир роты. Нина со своим экипажем подъезжает к его “тридцатьчетверке”, танк догорает. Остановились, подошли посмотреть, есть ли кто живой. Люк механика-водителя открыт, и за рычагами сидит Юрка Орлов. Нина чуть задела за волосы, он ш-ш-ш — и распался. Нине стало плохо.

Вскоре был тяжело ранен комбат — нарвался на фугас, и на его месте образовалась после взрыва глубокая воронка, а башня оказалась отброшенной метров на десять в сторону.

Но танк Нины шёл и шёл на запад. Шёл без единой царапины. “Заговорённый”, — шутили танкисты. Нина помалкивала. Знала, что и её очередь взлететь на фугасе может прийти в самый неожиданный момент. Но верила в Михаила, старалась и сама предусмотреть как можно больше. У инженера бригады расспросила о схемах минирования, применяемых немцами, и это ей помогло однажды проскочить через минное поле, под огнём противника провести танк, словно протанцевать босыми ногами на стеклянных осколках и не пораниться, и ворваться во вражескую траншею невредимыми.

Она научила каждого в экипаже водить танк и стрелять из всех видов оружия, устранять простейшие неисправности, а также быстро и ловко покидать танк в случае его возгорания, что в дальнейшем не один раз спасало жизнь экипажу.

Конечно, трудно ей приходилось в мужском обществе. Про любовь кто только не успел за это время напеть ей. Кто будто в шутку скажет, прицеливаясь, кто без всякой пристрелки предлагал руку и сердце, кто пытался с дальних позиций подкатиться. Она посмеивалась над ухажёрами и оставалась верна своим ребятам. Они её ревниво оберегали. Поллюбили самой крепкой товарищеской любовью и готовы были идти за своим командиром хоть куда. Иногда их ревностная преданность угнетала Нину. Бывали такие минуты, когда хотелось побыть одной, расслабиться, дать волю чувствам...

После гибели комбата, человека исключительной доброты и чуткости, прибыл в батальон капитан Кузнецов. Храбрый, толковый командир, но как-то встретился с Ниной и загорелся идеей “осчастливить” её. А когда Нина высмеяла его, то он обиделся и пригрозил:

— Ты у меня посмеёшься теперь. Я тебе устрою!

Нина коротко ответила:

— Дурак.

А когда осталась одна, чуть не заплакала, и почему-то захотелось прижаться к материнской груди и услышать от неё ласковые слова... Хорошо, что недолго оставался в командирах этот капитан. Перевели его куда-то, и Нина успокоилась. Но всегда оставалась настороже. Самым опасным на фронте для неё противником оказались малознакомые мужчины. Чёрт их знает, кто им внушил, что на фронт одни гулящие девки едут.

Попали они один раз с танком под бомбёжку. Да такую, что танк швыряло из стороны в сторону. Думали — всё, конец! Смолкла бомбёжка, улетели немецкие штурмовики, а танк цел, только с той поры стал шербатым, словно осной переболел — так его осколки наковыряли. Но выжил.

— Ребята, никуда не отходите, я сбегаю к командиру роты.

Танк ротного находился недалеко. Там тоже суетились танкисты, пробовали мотор, гоняли танк вдоль опушки.

Нина на ходу разворачивающегося танка заскочила сзади на моторную часть, пробежала до люка.

— Что делать, товарищ капитан?

— Какого черта тебя тут носит! Попадёшь под машину.

— Что я, слепая? Вот какая луна, как прожектор. Что дальше-то?

— А я знаю? Комбата вызвали к комбригу. Сиди и жди. Всё.

— Счастливо, товарищ капитан. Не забудьте про нас.

Это она ему намекнула на недавний случай, когда весь батальон перешёл на новую линию обороны, а про танк Нины вспомнили, когда уже командир батальона стал проверять маскировку.

— Не забуду! Я теперь памятливым стал, — засмеялся командир роты.

И Нина улыбнулась. Тогда командир бригады перед всеми командирами рот и взводов поставил её и командира роты перед строем и сказал:

— Посмотри, капитан, кого ты оставил. Понял? Выговор тебе. А уж лейтенант Бондарь сделает свои выводы. Становись в строй!

Последовала команда: “По машинам!” Предстояло добраться до ближайшего перекрёстка, что находился в нескольких километрах. К восходу солнца танк Нины был уже закопан на перекрёстке нескольких дорог возле моста через небольшую речку. Чуть левее горела маленькая деревушка. Танкисты Нининой роты построили перед командиром батальона.

— Задача одна — стоять, чтоб немец не прошёл. За нами дорога на Обоянь. Противник пятого июня перешёл в наступление с целью ударом с юга окружить войска в районе Курска. Дело, ребята, очень серьёзное. Но не унывайте — нам же с места стрелять. Только не торопитесь. Подпускайте — и наверняка. Без приказа — ни шагу назад!

Нина, как только посветлело, наметила ориентиры для стрельбы, на всякий случай даже пробежала до ближних, чтоб точно знать, какую установку прицела поставить. Чуть только солнце позолотило верхушки деревьев, налетели самолёты и давай молотить многострадальную деревушку, и реку, и маленькую рощу южнее деревни.

Началось. Речка — небольшой приток Пёсла — могла сослужить хорошую службу для обороняющихся. По левому берегу проходят траншеи профиля. Но мало в них солдат. Одними танками не остановить противника.

“Юнкерсы” бомбят, а Нина, не обращая на них внимания, смотрит на противоположный берег. После такой бомбёжки жди немецких танков. А их нет и нет. Бой идёт где-то южнее, на первой линии обороны танковой армии.

Немецкие пикировщики вьются всё больше за речкой.

Вечером танкисты поняли, что завтрашний день будет зависеть от них, от обороняющих вторую линию. Нажимает немец изо всех сил. Бросил в бой и авиацию, и танки. К ночи бой затих, и только артиллерия продолжала громыхать по всему фронту. Командир роты по радио дал команду Нине выдвинуться к реке метров на сто.

— Нельзя, товарищ первый, нельзя этого делать, я сейчас стою так, что фрицы не увидят меня, а я их как миленьких тут всех приголублю. Да и куда сейчас сунешься, кругом воронки. Только машину погубим.

Капитан промолчал, а потом сказал:

— Ладно. Жди их там.

Спали танкисты на своих местах, не выходя из танка, ведь враг мог напасть в любую минуту. Проснулись от шума моторов.

Немцы решили, что за рекой нет войск. Видимо, обманулись тишиной на переднем крае и отсутствием в траншеях солдат, поэтому атаку начали без артиллерийской подготовки и без авиационного прикрытия. Выползло из-за бугра с десятков танков, потом ещё примерно столько же. И давай стрелять из пушек и пулемётов по всему участку. А наши танкисты затаились. Ждали, когда немецкие танки подойдут поближе.

Нина поймала в прицел большой, до сего времени не виданный ею танк. Поняла: это тот самый “тигр”, грозный и неуязвимый, о котором так много ходило разговоров и слухов.

— Ваня, подкалиберным — заряжай!

А “тигр” идёт и идёт. Поблёскивают на солнце гусеницы, иногда сверкнёт фара или стекло в щелях башни. Первая линия танков достигла речки и, не задерживаясь, переползла её. Стала подниматься на берег.

Пора? Или подпустить ещё? Решила ударить по гусеницам. В лоб такую громадину не возьмёшь. Осталось не больше восьмисот метров.

— Огонь! — скомандовала себе.

Трассирующая линия под днищем “тигра”, видимо, не задела его.

Навела чуть левее, торопливо нажала на спуск.

— Выстрел! — кричит Нина.

На этот раз трассирующая линия оборвалась под гусеницей и, похоже, что-то наделала там. Танк дёрнулся туда-сюда. Попятился и стал разворачиваться.

— Огонь! — Нина физически почувствовала силу удара снаряда в немецкую броню, словно она сама держала подкалиберный снаряд в руках и ударила со всей злостью в эту громадину.

— Вот тебе! Огонь!

Третий снаряд ударил по башне, но срикошетил.

— Ваня, скорее! — крикнула заряжающему, увидев, что наводчик “тигра” ищет цель. Длинный ствол пушки, как голова гигантской змеи, шарит во все стороны. Только четвёртым снарядом Нина пробила броню “тигра”. Он задымился так же, как и все другие танки.

— Ура! Ребята! Есть! Горит!

Немецкие танки пошли напролом, но споткнулись. Наши сапёры успели заминировать берег. Немцы быстро сообразили, что не пробиться им тут. Два вражеских танка уже подорвались на минах. Остальные начали пятиться назад. Дымом заволокло кругом. Становилось невыносимо жарко и душно от гари разорвавшихся снарядов, от выстрелов пушки. Вентилятор не успевал проветривать внутренность танка. Бой переместился правее. Теперь Нина уже стреляла в борта вражеских танков. Но они были далеко, и попасть в них было непросто. Пойти на сближение — свой бок подставить.

На берегу речки появились немецкие противотанковые пушки. Одну Нина подбила с первого выстрела.

— Миша, дымовые! — скомандовала, решив уйти из-под огня немецкой артиллерии.

Через минуту от танка в сторону атакующих поплыло белое густое облако дыма. Дым стелился по земле, прикрывая танк Нины.

— Миша, поверни машину вправо, покажу, куда ехать. Там наши отбиваются.

Михаил развернул танк и сразу же увидел, как в километре от них идёт неравное сражение: на два наших полукругом шли с десятков немецких танков, стреляя на ходу из пушек и пулемётов.

Танк с места рванул на большой скорости. Дымовая завеса дала возможность метров сто пройти незамеченным. А когда скорость набрана, то трудно в него попасть. Поле сплошь перекопано траншеями, окопами, чуть ли не на каждом метре воронки. Огонь со стороны противника с каждой минуты нарастал.

— Миша, дорожку! — крикнула Нина, поймав в прицел немецкий танк, идущий под прямым углом к их “тройке”. Танк вёл огонь в противоположную от Нины сторону.

— Дерьмо тут, а не дорожка, — ответил сердито Михаил. Танк бросало из стороны в сторону, прицел трудно было удерживать на выбранной цели.

— Есть дорожка, лейтенант, лупи их, гадов!

Но дорожка оказалась совсем коротенькой. Нина успела один раз выстрелить, а куда улетел снаряд, уже не увидела — машина нырнула в глубокую воронку, и только мастерство Петра помогло вывести танк из неё. Нина больно ударилась головой о пушку, до крови.

— Дорожку, Миша! Да смотри под ноги!

— Есть дорожка!

Вторым снарядом ударили в борт немецкого танка и, видимо, в нём детонировали боеприпасы. Раздался такой мощный взрыв, что “тридцатьчетвёрку” чуть приостановило взрывной волной.

— Молодец, лейтенант. Так их! Ребята, держитесь, сейчас я одного гада сковырну.

Машина Нины неожиданно для неё, да и для немцев, оказалась в самой гуще вражеских танков. Немецкие танкисты этого ещё не поняли. Михаил вспомнил, как бывалые танкисты рассказывали, что высокие немецкие танки можно свалить ударом на хорошей скорости. А скорость у “тридцатьчетвёрки” приличная — километров сорок. Прицелившись серединой острого, как нож, переднего броневго клина в ведущий каток проходящего мимо танка, Михаил прибавил скорость. Удар оказался очень сильным. Хорошо, что экипаж приготовился к тарану. Все в танке живы и невредимы, но с машиной что-то случилось. Мотор не мог набрать оборотов. Будто кто держал танк. Немецкий же танк лежал на боку, и одна его гусеница беспомощно бегала вокруг катков.

— Не горим? — озабоченно спросил Михаил. — Вроде гусеницу заело. Ни туда, ни сюда.

Нина провернула башню вокруг. Нет, дыма не видно. Позади, почти в линию, идут несколько немецких танков. Они, конечно, видели, как таранили их танк. Нина, не предупреждая механика, выпустила несколько снарядов по переднему танку. Он закрутился на месте. Добить бы. Дважды промазала, торопиться начала.

Михаил крикнул:

— Лейтенант, прикрой меня. Взгляну, что там.

— Куда?! Отставить!

— Да ладно! Не погибать же...

Михаил открыл свой люк и вывалился из танка.

Наседают немецкие танки со всех сторон. В башне не продохнёшь от гари и дыма. Иван запарился, подавая снаряд за снарядом в казённый. Можно ли выгадать пару минут?

— Ваня, к автомату! Бей по немцам из люка. Не подпускай пехоту. Серёжа, как ты?

— Отлично, как на сковородке, только масла нет. Ну, я им покажу!

Курсовой пулемёт залился долгой очередью. Нина посмотрела через прорезь в башне. Пехота, бегущая за танками противника, залегла и открыла огонь по танку. Но что с танком? Лишь бы не подстрелили Михаила.

Иван, открыв люк, ведёт короткими очередями огонь. Высунется на секунду, даст очередь и спрячется.

— Посмотри Михаила, — попросила Нина.

Иван попытался подняться повыше в люке и сразу, словно мешок, упал на дно. Ребристый шлем на голове Вани весь в клочьях.

Сердце сжалось у Нины. Неужели всё? Танк теперь как неподвижная мишень для немецких танкистов. Немцам стрелять неудобно, можно по своим попасть. Кругом немецкая пехота: кто на танках, кто крадётся за танками.

Сергей закричал в переговорное устройство:

— Есть, Нина! Михаил тут. Говорит, всё в порядке — камень попал под катки. Ну, мы им сейчас дадим!

— Серёжа! Заряжающим становись!

Мотор мощно заревел на полных оборотах. Танк снова в строю.

— Куда командир? Командуй, ничего не вижу! — тревожным голосом прокричал Михаил.

— Серёжа — за наводчика.

Нина нырнула к сиденью механика-водителя.

— Давай вперёд! — и осеклась, увидев, что всё лицо у Михаила в крови.

— Быстро освободи место.

Михаил торопливо перелез на место радиста, а Нина перебралась на его место. Уверенно включила скорость, и танк понёсся с единственной целью — не попасть под выстрел. Михаил тем временем подключил свои наушники к радиостанции:

— Лейтенант, командир роты приказывает отойти на вторую линию обороны немедленно.

— Поняла. Что у тебя?

— Да ничего страшного. Лоб разбил, затекли кровью глаза, жить можно.

— Серёжа, смотри в оба. Бей! — закричала она, увидев впереди своего танка немецкое самоходное орудие, раскрашенное жёлто-зелёными пятнами. Самоходка не успела выстрелить. Кто-то другой, не Сергей, попал в моторное отделение самоходки, и оттуда сразу повалил густой дым. Нина, стараясь не попасть гусеницами в траншею или свалить танк в воронку, на полной скорости гнала машину ко второй линии обороны. Нужна во что бы то ни стало передышка и им, и машине. Не осталось ни патронов, ни снарядов.

Вторая линия за речкой Солотинкой.

Нина не знала, сколько прошло времени, не чувствовала ни страха, ни боли от ушибов, но интуитивно понимала, что ещё несколько минут такого напряжения — и она потеряет сознание. В голове шум, в глазах рябило от постоянного мелькания предметов в прицеле или смотровой щели. Мutilo от приторного запаха крови, бензина, гари, порохового дыма.

Когда танк, минуя все опасности, вышел на вторую линию обороны, бой на первой линии стих. Противник во много раз превосходящими силами потеснил наши части, но сломить сопротивление не смог. Нина оставила танк в овраге, открыла люк, а выбраться не хватило сил. Она закрыла глаза и сидела, не шелохнувшись, глубоко вдыхая свежий, пахнущий цветами лесной воздух. Не верилось, что её танк вырвался из смертельного кольца.

Первым выскочил из танка Сергей. Он подбежал к открытому люку механика-водителя и хотел позвать Нину, но вдруг замер. Ему показалось, что она спит.

— Ребята, а ведь мы живы? — неожиданно сказала Нина.

— Ну, лейтенант, хватили мы лиха, думал, не выберемся. Жалко парнишку... Что делать-то теперь? — спросил Михаил.

— Сейчас разберёмся. Где-то тут штаб должен быть, — вылезая из танка, ответила Нина.

В штабе она нашла адъютанта Кириллова. Он объяснил сложившуюся обстановку. В батальоне осталось пять исправных танков. Три сгорело на берегу речки, два подорвались на минах. Большие потери были в других батальонах бригады. Ни один танк не отошёл без приказа. Но и настроение было не из радостных. Как ни дрались, как ни сопротивлялись, а пришлось отходить. Пусть ненамного, но всё-таки это отступление. Столько танков в одном бою не приходилось видеть никому.

Командира роты Нина не нашла. Его замещал командир танка “Т-70” лейтенант Кузовлёв.

— Контузило командира. Видела, как фугас рванул? Ну вот. А он с танком оказался недалеко от того места... Дело — дрянь. Ещё один такой бой — и от бригады останется одно название. Как у тебя?

— Убит заряжающий, ранен механик-водитель. Но уходить в госпиталь не хочет.

— Легко ранен?

— Даже не ранен, а ушиб руку и лоб рассёк. Как бы заражения не было. Мы фрица таранили. А я “тигра” подбила. Где хоронить Ивана?

— Комиссар сейчас придёт, скажет. Ты о горючем и о боеприпасах позаботься. Мы теперь с тобой два начальника на всю роту.

— Ребят жалко. Такие ребята остались там...

— Ты больно-то не настраивайся на похоронный лад. Всё ещё впереди. Видишь, как немец прёт! Соколова наградили орденом Красной Звезды: два танка подбил. И тебя тоже наградят. Вот увидишь. Друг мой Колька Шандыбин погиб. Геройский парень. Как брат был... “Адольф Гитлер” — вот какая дивизия нас атакует! Да ещё “Великая Германия”...

Ваню похоронили на краю высокого оврага. Поставили над могилой деревянный столбик с дощечкой, на ней написали: “Похоронен Иван Тимофеевич Камышев — танкист из-под Пскова”.

И сразу же начали подготовку к следующему дню. Надо было получить боеприпасы, заправиться горючим. Михаил торопился подремонтировать танк. Таран не прошёл бесследно для машины, что-то в трансмиссии дребезжит. Пришлось менять траки, помятые во время тарана.

Заряжающим у Нины стал новичок, запасной механик-водитель Кеша Образцов.

Спать почти не пришлось. Нина чуть-чуть задремала перед рассветом. А Михаил с ребятами всю ночь провозились с танком.

Утро наступило росное, свежее. Выглянуло солнце, и беззаботные лесные птицы подняли шум и гам, как будто не было войны.

— Вот разорались! Рано пташечка запела, как бы кошечка не съела, — заметил Михаил, прислушиваясь к лесному гаму. Они с Сергеем и Кешей только что закончили работу и лежали возле танка на траве грязные, с воспалёнными глазами. Хотелось каждому хоть ненадолго заснуть, но возбуждённая нервная система не хотела успокаиваться.

— Нина устала, спит как убитая, — сказал полушёпотом Сергей. — Молодец она у нас.

— Что уж говорить. Не каждый из нашего брата выкрутился бы из такой кутерьмы. Со всех сторон лезут танки, а она хоть бы что! “Миша, поверни чуть-чуть”, — передразнил Нину Михаил. — А сама лупит и лупит. Ванюшки нет... Ты, Кеша, потренируйся на снарядах. Она знаешь, как стреляет? Не задумывается: раз — и готово, а ты должен успеть снаряд загнать в ствол... Может, ты, Серёга, станешь к пушке?

— А радио?

— Да, и тут надо. Без связи капут. Если бы вчера не услышал команду отступить — мы там бы и остались. Разве бы она стала самовольничать...

— Эх, в баню бы сейчас, да с веником, а потом сто грамм и на перинку, — добавил Сергей, — жрать охота. Вчера старшина привёз ужин, а я даже ложку держать не мог, а тут Ваня...

Опять замолчали. Каждый невольно задал себе вопрос: “Кто следующий?”

Утренняя тишина нарушилась грохотом, свистом снарядов. Началось наступление, но не наших, а немецких войск. Яростное, отчаянное, словно командование противника решило испробовать все свои силы, чтобы сломить сопротивление этих фанатиков — русских. Налетели “юнкеры”. Мощно, многогласно загудели впереди, перед речкой, немецкие танки. Бой с первых же минут вскипел яростными танковыми атаками. Шли танк на танк.

На сей раз Нина долго вела огонь с места. И скомандовала Михаилу сменить позицию только тогда, когда получила приказ о том, чтобы отойти километра на два назад, на окраину небольшой деревушки. Михаил, пренебрегая опасностью, открыл свой люк. Надо было осмотреться: недолго и на мины наскочить.

Редкая цепь наших пехотинцев передвигалась впереди по краю оврага. Сапёров не видно. Бой, вроде бы стихавший, вдруг разгорелся с новой силой. Всё вокруг загремело, засвистело. Немцы пошли в новую атаку.

— Сволочи, осмотреться не дадут, — ругнулся Михаил. — Лейтенант, куда теперь? Командуй!

— Миша, назад! — закричала Нина. — Фугас под носом!

Танк споткнулся и медленно, словно нащупывая дорогу, попятился.

— Куда, куда тебя несёт? Стой! Да не тебе, Миша! — сказала Нина механику. — Мальчишка на дороге.

Теперь и Михаилу хорошо было видно, как, не пригибаясь и не прячась, от покосившейся ограды старенького дома бежит мальчишка лет двенадцати. Он размахивает руками и что-то громко кричит. Его высокий голосок прорывается за броню сквозь разрывы мин и снарядов. Мальчишка бежит, легко перепрыгивая через неглубокие и частые воронки. На секунду он скрылся в придорожном кювете, на четвереньках выбрался из него и снова бежит к танку. Тяжёлый снаряд рванул где-то позади дома. Мальчишка упал в метрах десяти от танка. Михаилу видно, как он, широко открыв рот, часто-часто дышит и испуганно смотрит на танк. На нём старая рваная рубашонка и короткие штанишки. Длинные, давно не стриженные рыжие волосы торчат во все стороны.

— Давай сюда! — крикнул Михаил мальчишке. — Тебе что, жить надоело? Ты чего здесь носишься? — кое-как просунул его в танк.

— Дяденька, дяденька! Нельзя сюда, — едва переводя дух, с перерывами, торопясь сказал мальчишка. — Мины... Я знаю, где проехать. А там, за домом, два танка, немецкие. По деревне стреляют. Меня мамка послала...
Нина склонилась над мальчишкой.

— Без тебя, вояка, точно не справимся. А ну, показывай, где танки, куда ехать.

Мальчишка уже с любопытством выглядывает из-за спины Михаила. Для него он главный командир. Даже не обратил внимания на Нину.

— Дяденька, прямо, где я бежал. Там тропка. А мамка в погребе. Скорее, дяденька.

— Миша, как видимость? — спросила Нина. — Парнишка дело говорит. Слышишь, бьют? Танки.

— Ударим, командир. Тропку вижу.

Танк рванулся с места, легко перемахнул дорогу, как соломинку подмял изгородь и обогнул дом.

— Малый ход, Миша. Вижу танки. Молодец, хлопец. Чуть тронь вперёд, Миша, берёзка мешает. Стой!

Недалеко от дома, под косогором, два немецких танка стреляли из пушек и пулемётов. Видимо, попали в трясину и не могли сдвинуться ни назад, ни вперёд.

— Огонь! — сама себе скомандовала Нина. — Есть, ребята! — тотчас крикнула, увидев после выстрела дымок над моторной частью немецкого танка. — Огонь! — ещё раз скомандовала и почувствовала, как вздрогнул её танк от тяжёлого удара. Это немецкий танкист из второго танка послал ответный снаряд.

— Миша! Назад! — скомандовала, но было уже поздно. Танк натужно взревел, однако с места не тронулся, а только развернулся влево.

— Командир, ходовая перебита! Стреляй скорее! — закричал Михаил.

Нина старалась не торопиться, прицелилась под основание башни немецкого танка и нажала кнопку спуска, увидев в прицел, может быть, на сотую долю секунды раньше, чем раздался выстрел, вспышку из немецкого танка. Выстрелила почти в одно время с немецким танкистом...

Очнулась она от настойчивого стука чем-то металлическим в крышку верхнего люка. Темно. С трудом поднялась с пола, нащупала кнопку аварийного освещения, не понимая, что с ней и с экипажем.

— Миша, ребята, что с вами?

В ответ ни слова. Только слышно, как стонет не то Кеша, свалившись под пушкой, не то Сергей. Михаил сидит неподвижно на своём месте, зажав голову руками.

— Ребята! — закричала Нина в испуге.

Она с трудом добралась до стопора крышки люка.

— Откройте! — услышала женский крик.

Превозмогая боль во всём теле, Нина потянула стопор на себя. Пружина резко отбросила крышку.

— Лёнька тут мой? Где Лёнька? — закричала женщина, заглядывая в люк.

От свежего воздуха у Нины потемнело в глазах, и она, не опуская поручней, повисла на руках.

Женщина закричала, как ревут по покойнику.

— Ну-ка, посторонись! — раздался спокойный, чуть хрипловатый голос.

Пожилый пехотинец осторожно отстранил женщину от люка, ухватился сильными руками за руки Нины и, напрягаясь изо всех сил, медленно вытянул из танка обмякшее тело и положил тут же. Женщина осторожно подсунула руку под голову Нины. Она одной рукой начала расстегивать пуговицы на комбинезоне и вдруг отдернула руку, словно обожглась.

— Да никак девчонка?! — вскрикнула женщина. — Это что же творится-то!

Нина приоткрыла глаза и снова закрыла их.

— Принимай ещё одного! — раздался приглушённый голос из люка. —

Жив твой Лёнька, только сомлел чуток. Духотища тут. Бери под руки, да не суетись ты, не реви.

Мать легко вытянула сына из люка. Его рыжая голова безжизненно свалилась на плечо матери. Женщина долго стояла с ним, прислонившись к башне танка, прислушиваясь к тихому биению маленького мужественного сердца.

— И этот живой! — услышала она из глубины танка. — В рубашке родились, болванка прошла борт насквозь, а ничего, отделались! Э, да тут ещё двое...

К танку подъехала легковая машина. Из неё вышел невысокого роста пожилой грузный человек.

— К орденам всех! — крикнул он следовавшему за ним адъютанту. — Это же герои. Спасители наши. Ну-ка, кто тут отличился?

Из командирского люка высунулась голова пехотинца.

— Вылезай, герой!

— Да я, товарищ генерал, не герой. Я — после драки. Герои лежат вон на травке, контузило их, бедных...

Весь экипаж танка и Лёньку отправили в госпиталь. Командир стрелковой дивизии доложил командующему армией о подвиге танкистов. Командующий наградил всех орденами Отечественной войны первой степени...

Нина очнулась от воспоминаний. Это Клава будила её.

— Нина, посмотри вниз. Какая красота под нами.

Самолёт летел над горами. Выходившее солнце освещало их, и они казались ещё более величественными и безумно красивыми.

Нина вспомнила, как она воевала в Карпатских горах, как первая на своём танке ворвалась на Дуклинский перевал...

В начале августа 1944 года третий раз за время фронтовой службы едет Нина Бондарь из госпиталя в свою танковую бригаду. Хорошо, что на небольшой железнодорожной станции ей попался на глаза знакомый танкист из её бригады. Он рассказал, как найти штаб танкового корпуса, а там и до её бригады рукой подать.

Ехала на попутной машине и во все глаза смотрела на незнакомую страну. Поляки встречают по-разному: одни по-хорошему — смеются и разговаривают, эти рады приходу русских солдат. Другие — молчат, и в их молчании скрыта ненависть. Не сразу Нина поняла, откуда эта ненависть. Все — паны, но паны-то разные. У одного хата как дворец, а у другого только-только голову можно в дверь просунуть. Пол земляной, печурка малосенькая. Дом кажется ненастоящим, временным, вроде солдатского блиндажа. Одним словом — беднота.

Зато сады какие! Яблоками, грушами хоть объедайся. Радовало Нину и тёплое лето, и то, что нашла свой танковый корпус, возможно, найдёт и своих ребят.

Но чем ближе фронтовая линия, тем беспокойнее становится на душе у Нины. Как её встретят? Снова ли надо доказывать свои права? Или, может, кто-нибудь остался из старых командиров и помнит её?

О многом передумала Нина, пока добиралась до штаба корпуса, а затем до штаба бригады. Везде встречали хорошо, приветливо. Не забыли её. И это больше всего радовало. Как домой возвращалась. Но ни командира батальона, ни знакомых командиров рот она не встретила. Кто погиб, кто отлёживался в госпиталях.

Назначенный командир батальона майор Терёхин уже слышал о девушке-танкисте и не очень удивился, когда она ему представилась. Он даже обрадовался, что она снова попала в свою часть. Сам знал, как это трудно.

— “ИС” хотите? Хорошая машина. Только что получили, — предложил комбат.

“ИС” — тяжёлый танк “Иосиф Сталин”.

— Товарищ майор, я не знаю этой машины и её качеств, — честно призналась Нина. — Вдруг не получится. Такая громадина.

— У вас получится. Экипаж сами подберёте. Кажется, ваш механик-водитель тоже ищет работу. Спросите у старшего адъютанта.

— Миша Толмачёв вернулся! — обрадовалась Нина. — Это же здорово, товарищ майор! Знаете, что это за человек?! Мне больше никого не надо. С таким человеком, конечно, возьму “ИС”.

— Ну, и договорились. На подготовку совсем мало времени остаётся. Поторопитесь.

— Есть, товарищ майор!

Нина козырнула и, выйдя из хаты, которую занимал командир батальона, побежала искать Михаила. А он тоже от кого-то узнал о возвращении Нины. Встретились, как родные. Нина, не стесняясь никого, кинулась к нему, расцеловала.

— Ой, какой ты худющий! Не кормили, что ли?

— Кормили, но плохо. Ничего, тут ребята подправят.

— Ну, ладно, я тебя обрадую. Нам дают новенький “ИС”. Только получили. Не знаешь, где наши ребята?

— Кешу направили в учебную часть. Пополнение готовить. А Серёга... Нет больше Серёги. Умер в госпитале.

Она расплакалась. Как в детстве — навзрыд.

— Ну что ты, лейтенант, зачем так? — Ему хотелось сказать Нине какие-то особые слова, такие, чтобы в них можно было выразить ей уважительную любовь, особую, взрослую, вроде отцовской. А слов не находил. Он привлёк к своей широкой груди беззащитную голову и погладил как, бывало, в детстве Нину гладила мать.

— Экипаж есть. Не надо плакать, Нина. Ни Серёгу, ни Ивана теперь не вернёшь. Это война. Вон сколько на нас смотрит народу.

Нина как-то забыла от волнения о том, что они не одни с Михаилом. Посмотреть на необычного лейтенанта сбежалось много танкистов. О Нине уже легенды начали слагать. И про то, как её танк с боями прошёл без ремонта и без единой пробоины от Воронежа до Белгорода, и о том, какой был у неё дружный и боевой экипаж, и как мальчонка их на немецкие танки вывел. И что награждена она двумя орденами Отечественной войны первой и второй степени и орденом Красной Звезды, который сторел в её танке, а у Нины полностью выгорели волосы, и поэтому она целый год ходила в шлемофоне, не снимая его, пока они не отросли. И ещё знали, что по числу подбитых танков ей бы уже надо всю грудь увешать орденами, но так получилось, что писать наградные листы после боя было некому: редко когда оставались в строю командиры.

— Ладно, не буду, — смущённо сказала Нина. — Ну что, принимаем “ИС”?

— Понимаешь ли, Нина, трудно с ним. Ребята уже хватили с ним лиха. Неповоротлив.

— Зато броня и пушка какие!

— Зачем нам гадать? Не на базаре. Какой дадут, тот и бери. Справимся.

Экипаж подобрался хороший. Стрелок-радист — Николай Ерёмченко — спокойный высокий парень. Он из колхозников. Поэтому с Михаилом сразу нашли общий язык. Заряжающим стал Сеня Попов, недавно вернувшийся из госпиталя. Горел в танке, но удачно избежал ожогов и сам снова попросился в танк. Значит, настоящий танкист. К тому же он мог водить танк, стрелять из пушки и пулемёта.

И началась снова фронтовая жизнь.

Танковый корпус находился в резерве Ставки Главного командования, и его бросали с одного участка на другой. В середине августа, поддерживая наступление войск 1-го Украинского фронта, он перешёл в стремительное наступление. Нина проснуться толком не успела, как рано утром её громадный, трудно управляемый с непривычки “ИС” был погружён на понтонный паром, чтобы переправиться через довольно широкую и глубокую реку Вислу на западный берег, куда уже вышли стрелковые подразделения. Такой стремительности Нина ещё не видела.

Паром плыл на буксире за двумя моторными трескучими лодками. Нина сидела на краю башенного люка. Михаил ходил вокруг танка, присматривая, чтобы он при качке не скатился в какую-нибудь сторону. Очень уж

шаткая это штука — паром. Стрелок-радист Коля устроился на месте механика-водителя и рассматривал приборы, примериваясь, как бы он в случае нужды повёл танк. А Сеня просто дремал, прислонившись к башне танка. Из-за треска буксирных моторов поздно услышали команду “Воздух!” Прямо на них пикировали немецкие бомбардировщики. Нина даже видела, как от первого самолёта отделилось несколько бомб. Через несколько секунд они засвистели пронзительно и противно.

— Перелёт, — определила Нина и быстро развернула пулемёт стволом в небо. На “ИС” он находится на башне танка и приспособлен для стрельбы по воздушным целям. Она выпустила очередь и испытала знакомые чувства, как в первом своём воздушном бою.

Следующая серия бомб разорвалась вблизи них, волной круто накренило понтон, и танк свалился в речку. Нина едва успела выскочить из люка и, упав в воду, торопливо отплыла в сторону.

— Нина! Нина! — услышала она сквозь шум самолётов и залпы зениток.

В метрах пяти от неё барахтался в воде Михаил. Но где остальные ребята из экипажа? Ага, вот ещё один. Это стрелок-радист Коля. Он испуганно хватает воздух ртом, беспорядочно плёпает руками по воде, хотя видно, что плавать умеет. Только в себя не может прийти, наверное, пока выбирался из танка, нахлебался воды. Нина подплыла к нему сзади и схватила за воротник комбинезона. Приподняла его голову над водой. Радист несколько раз струей выпустил изо рта воду, откашлялся и, высвободившись из рук Нины, погрёб к берегу.

Михаил тем временем выловил в воде Сеню. С ним было хуже. Он был сильно ранен в плечо. А тут “юнкерсы” сделали очередной заход на бомбёжку. Грохот разрывов, столбы воды, свист осколков, стрельба зенитной артиллерии с берега — всё слилось в один гул. На счастье танкистов, из облаков вынырнули несколько наших истребителей, отогнали немецкие самолёты, и сразу наступила относительная тишина на переправе.

Нина старалась помочь Михаилу доплыть с раненым до берега. Пехотинцы увидели, как тяжело приходится танкистам. И хотя они сами плыли на резиновой надувной лодчонке, которая едва держалась под тяжестью трёх солдат с пулемётом, но танкистам помогли.

— Эй, ребята, цепляйтесь на буксир! Мы видели, как вы тут с танком загремели.

Нина ухватилась за лопатку-весло. Михаил одной рукой держал голову Сени над водой, другой тоже ухватился за лодчонку. Так вшестером и добрались до берега.

Среди плывущих солдат на лодке был сержант. Он помог выбраться Нине на берег. И был очень удивлён, узнав, что спас танкиста-девчонку.

— И как тебя угораздило? Что, дома делать нечего?! Или жених на фронте?

Нина ещё в себя не пришла от вынужденного купания, сердито ответила:

— Не ваше дело.

— Да нет, я так, извините, товарищ лейтенант. Сразу-то не разглядел, кого спасал. Я не хотел обидеть. Только чудно как-то. В тылу такие ухари сидят, а вы вон куда, да ещё с танком. В жизнь бы не поверил, если бы сам не увидел.

Разговаривая, он помог Нине снять мокрый комбинезон, сапоги, отгородил возле прибрежных кустов плащ-палаткой уголок, чтобы Нина могла снять и наскоро выжать обмундирование. А Михаил стоял возле переправы, где выходили на берег танки с понтонов. Командир роты увидел Михаила, закричал:

— Где Бондарь? Жива?

— Жива, товарищ капитан! Наш танк утонул.

— Знаю. Видел. Вон там идёт один танк, экипажа нет — бедняги сидели сверху, всех убило. Как причалит, заводи и на берег. Задачу Бондарь знает. Садитесь и догоняйте роту.

— Так у нас теперь нет башенного, ранило его.

— Ничего. Где-нибудь найдёте. Сейчас только вперёд! Командир бригады уже там. — Он махнул в сторону предполагаемой передовой, где разгорался бой.

Тут как раз и Нина подошла, и с ней сержант-пехотинец. Радист Коля ещё лежал недалеко от переправы, его рвало водой. Он умоляюще смотрел на Михаила, боялся, как бы про него не забыли и не оставили на берегу.

— Товарищ лейтенант, вон наш танк подходит, — обрадованно крикнул Михаил, когда Нина подошла ближе, — “тридцатьчетвёрка”.

Командир роты уже поднялся на свой танк и что-то кричит в сторону Нины, но его слов понять невозможно. Тогда он пальцем показал на Михаила, а потом себе на губы. Нина поняла, что Михаил расскажет.

Паром уже уткнулся в берег. Михаил перепрыгнул на него. Четверо танкистов, кто на башне, кто на моторной части, были истерзаны осколками так, что смотреть невозможно. Кровь залила весь танк, и Михаил не знал, что делать с такой машиной.

Михаил забрался внутрь танка, завёл мотор и, как только сапёры канатами закрепили паром, осторожно вывел танк на берег. Подбежали санитары с носилками и занялись своим делом. Пришёл бледный заряжающий Сеня Попов, перевязаны рука и шея.

— Я отказался ехать в госпиталь, товарищ лейтенант, — обратился он к Нине.

— А что можешь делать? Ну-ка, рукой пошевели.

Сеня пошевелил, помахал.

— Рука — ерунда. Тут вот в шее что-то хрустит, но до вечера выдержу.

— Ну, смотри, не хныкай. Не к тётке едем на блины.

Нина обошла танк кругом. “Тридцатьчетвёрка”, видимо, из капитального ремонта.

— Сержант, садись, заряжающий у нас ранен, — обратилась Нина к пехотинцу.

— Не могу, товарищ лейтенант. Впереди моё отделение. Вы лучше скажите, где вас после войны искать.

— Это зачем же?

— А там видно будет.

— Город Бийск. Алтай. Бондарь Нина. Я там одна такая.

— А я Пётр Ширав. Сватов ждите.

— Иди, иди, жених нашёлся. Фашист как сейчас женит... — сердито сказал подошедший стрелок-радист Николай. Он уже откашлялся, хотя был бледным и едва держался на ногах.

— Ох, ох, испугался! Бегу! Не до тебя, утопленничек. До свидания, товарищ лейтенант, в Бийске. Мы же в одной реке теперь крещённые. Теперь нас водой не разлить, — сказал сержант и убежал. А Нина, задумавшись, долго смотрела ему вслед, пока он не скрылся за невысоким холмом. Вздыхнула. Чем-то понравился ей этот сержант, как никто ещё не нравился.

— По местам! — скомандовала она.

Танкисты заняли места. “Тридцатьчетвёрка” — родной танк, всё тут знакомо, как в хорошо обжитой квартире. Только одна беда — все личные вещи, какие у них были, утонули.

Танк сначала осторожно прокатился, чуть рокоча мотором, а потом Михаил включил на полную скорость. Танк рванулся вперёд. Михаил закричал Нине в переговорное устройство:

— Недаром тот был нам не по душе. Вот его и прибрала река. Жалко, но этот лучше. Вон он какой!

Михаил крутанул на полной скорости танк влево, потом вправо и, словно на разгорячённом коне, выскочил на высоту.

Нина быстро сориентировалась в обстановке. Несколько наших танков утюжили траншеи противника. По ним вели огонь противотанковые пушки с окраины села. Туда Нина и направила танк.

— Заряжай! Миша, дорожку!

— Есть дорожку! Дорожка!

— Выстрел!

Нина с первого выстрела уничтожила вражеский орудийный расчёт. Михаил вывел танк во фланг немецких артиллеристов. Те не успели развернуть пушки, и танк Нины прошёл по станинам орудий гусеницами. Батарея перестала существовать...

К середине дня танк Нины, целый и невредимый, присоединился к своей роте. Наши танки вклинились километров на двадцать в оборону противника. Заканчивались боеприпасы, горючее в танках и машинах. Нужна была хоть короткая передышка.

Командир батальона собрал командиров возле небольшого дома:

— Командование нам объявило благодарность за активные действия. Немец скоро пойдёт. Занимайте оборону, но так, чтобы в наступление можно было сразу перейти. Горючее и боеприпасы будут скоро. На переправе застряли. Там бомбят, не переставая. А, лейтенант Бондарь, — обрадованно сказал комбат. — Я сразу-то не заметил вас. Молодец, товарищ лейтенант. Я видел, как на батарею налетели. Только в другой раз будьте осторожны. А если бы минировано?

— А я же с фланга. Когда им успеть?

— Ну, всё равно. Рискованно. А вообще, замполит готовит наградные листы и на вас тоже. Как машина?

— В порядке. Горючее на исходе, и не ели мы с вечера.

— Всё будет. По машинам, товарищи! Пока не начался обстрел.

Командиры танков быстро разбежались по своим машинам. Большинство замаскировали танки возле избышек. Тут не видно больших сёл, а всё больше хуторки по два-пять дворов. Нина не стала прятать танк на хуторе. Сюда, определила она, в первую очередь полетят снаряды, и будут бомбить вражеские самолёты.

Они с Михаилом нашли чуть заметную высотку и перегнали танк на неё. Низкорослый кустарник надёжно укрыл танк от немцев, и в то же время Нине хорошо видна местность перед высоткой.

Танки вырвались вперёд пехоты, и только сейчас стали пробегать мимо танка Нины небольшие группы пехотинцев. Нина присматривалась к каждому из них. Ей хотелось ещё раз увидеть того голубоглазого сержанта. Но он не появлялся. А через несколько минут началась атака противника.

Как и рассчитывала Нина, первый удар немецкой артиллерии пришёлся на хутор. Туда налетела и вражеская авиация. А танк Нины оказался вроде бы как в засаде. И когда пришла пора отбиваться от нападающих танков и автоматчиков, её танк сыграл решающую роль. Дважды Нина останавливала немецких автоматчиков, отсекая их огнём пулемёта от танков. А с танками ничего поделаться не могла — не было бронебойных снарядов. Два подкалиберных оставила как НЗ, на крайний случай. Он, этот случай, наступил раньше, чем она думала. Разгадали немцы, где стоит её танк, и с трёх сторон пошли на неё.

Нина передала командиру роты по радиции:

— Меня атакуют танки, поддержите огнём. С двумя справлюсь. Нет снарядов.

— Нина, держись, — ответил он, и Нина услышала его команду: — Пятёрка! Жми к Нине. Видишь её?

— Не вижу, но знаю, где она. Нина, держись!

— Держусь, ребята. Ага, вот...

Нина не договорила. В прицеле оказался медленно выбирающий дорогу немецкий танк.

— Подкалиберным — заряжай! — крикнула Сене.

— Готово!

Нина выстрелила прямо в лоб немецкому танку. Танк остановился и замер. Так до конца боя он не подал признаков жизни. У второго танка подбила гусеницу. Кто-то из пехотинцев подкинул ему под вторую гусеницу гранату, и на этом месте вскоре поднялся столб чёрного дыма. Третий танк боя не принял. Попятился и спрятался за рощей.

И так весь день до вечера бой то начинался, то неожиданно затихал, чтобы через час-полтора снова начаться... И опять Нина даже в самые спокойные минуты, удивляясь сама себе, вспоминала голубоглазого сержанта-

пехотинца. “Вот дался он мне”, — сердилась она на себя и тут же пыталась припомнить, какие у него брови и почему он чуть-чуть прихрамывает.

Вечером, когда немного стемнело, командир роты приказал отвести танк в тыл на заправку горючим и боеприпасами. Надо было передохнуть и танкистам. Они одурели от угара, копоти. Хорошо, что в своём танке Нина нашла канистру с водой, а то бы от жажды совсем развезло.

Не успели отужинать, как прибежал посыльный от командира батальона и приказал немедленно вывести танк к переправе.

— Ну, началось! — ворчал Михаил. — Только горючее жжём.

— Горючее что — пустяк, — сказал радист Коля, — опять через реку...

— А тебе теперь бояться нечего. Проверен, — засмеялся Сеня, — такое добро, как ты, не тонет.

— А ты так прямо золото! Тоже пузыри пускал, да не потоп. Мне танк наш жалко. В нём махорки две пачки утонуло...

— После войны достанешь.

— После войны я курить брошу. У меня внутри нагар — керосином не отмоешь. Но не к добру нас перегоняют. Такая у нас позиция была. Тот, первый-то подбитый танк, посмотреть бы.... Скис сразу. Здорово вы его, товарищ лейтенант! — И, повернув голову в сторону Нины, осёкся. Она как сидела на траве, опершись спиной на гусеницу танка, так и заснула. Рядом спал и Михаил.

— Глянь, Николай, спят.

— Пусть. Десять минут дадим им поспать, — сказал почти шёпотом Николай. Они замолкли минут на десять. Потом Николай осторожно притронулся к плечу Нины:

— Товарищ командир, — он ещё не привык называть её по имени, — а, товарищ командир, пора!

Нина сразу же проснулась. Присмотрелась к чуть светящемуся в темноте циферблату часов.

— Да, пора, — сказала она, как будто и не дремала, а только на минутку прикрыла глаза.

Михаила же разбудили, только облив его водой. Сказались и купание в реке, и бессонные ночи, и трудный суматошный день. Возле переправы их уже ждал командир батальона. Он посветил фонариком карту и указал Нине, куда направить танк. Она некоторое время не могла сообразить, куда ехать. Потом удивлённо сказала:

— Так это же на той стороне, за Вислой.

— Ну, наконец, поняла, — засмеялся он. — На той. Выходим из боя. Тут и без нас справятся.

На переправе уже не паром, а понтонный мост. По нему шли и шли войска. В одну сторону шли машины, гружённые снарядами, ящиками с патронами. Обратное они везли в основном раненых.

Танкисты недоумевали, почему они уходят в самый разгар боёв, но приказ есть приказ. Только позднее они узнали, что были участниками боёв на знаменитом Сандомирском плацдарме, на котором polegло немало советских бойцов. Но как немецкое командование ни пыталось сломить упорство наступавших частей Советской армии бомбардировками и контратаками — ничего поделать не смогло. С этого направления потом началось наступление на Берлин!

А танковый корпус резерва Ставки Главного командования перебросили на такой участок фронта, где, казалось, и пехоте-то не пройти. В Карпаты. Трудными тут были не бои, а переходы. Так казалось Нине. По карте вроде бы совсем немного насчитывалось километров, но, присмотревшись внимательнее, Нина окликнула Михаила:

— Ты смотри-ка, куда нам идти. Это же сплошные горы. Тут всего одна дорога.

— Значит, так надо.

— Понятно, что надо. А пройдем? Я это к тому, что надо танк готовить. Бери ребят, запасайся брёвнами, канатами.

— Понял. Сделаем.

Нина предполагала, что командование бригады соберёт командиров и объяснит обстановку. Судя по картам, какие получили в штабе батальона, предстоит марш по горным дорогам, вернее, по одной дороге. Но никаких объяснений не последовало. В лесу, где сосредоточилась танковая бригада и другие части — сапёрные, стрелковые, артиллерийские, — Нина услышала незнакомую речь. Это не поляки и не украинцы говорят. Догадалась — чехи или словаки. А там, за горными перевалами находится их родина — Чехословакия. Но почему туда выбран такой путь, не поняла и гадать не стала. Радист Коля кое-что пояснил:

— Сам слышал по радио: словаки подняли восстание против немцев и просят, чтобы мы скорее пришли на помощь.

— Интересно, — сказала Нина. — К ним по воздуху только и можно добраться. Угробим машину на таких участках. Как думаешь, Михаил?

— А что тут думать? Скажут — и поедем.

Командование ничего не сказала, но танки обеспечили длинными прочными тросами. Инспектирующие несколько раз проверили на наличие в танках лопат, топоров, пил. Приказано было на каждый танк дополнительно установить несколько бочек с горючим и маслом. Механикам-водителям показали приёмы преодоления горных перевалов, лесных завалов, крутых спусков и подъёмов.

Нине приказано было вести танк по дороге Беско-Трнавка — Дукля, быть готовой в любую минуту к отражению вражеских атак. Началось наступление 38-й армии с целью оказания помощи восставшему народу Словакии. Вместе с советскими войсками наступал и 1-й чехословацкий армейский корпус.

За годы войны Нина всякого насмотрелась и ничему не удивлялась. Но тут на долю танкистов выпали небывалые испытания. Единственная дорога вьётся серпантинном по склонам гор, спускается в ущелья, поднимается на сопки. Ни свернуть, ни обогнать впереди идущего. Машины или танки, остановившиеся из-за поломок, без разговора сталкивались с дороги в пропасть. На десятки километров вытянулась лента из пехотинцев, танков, автомашин с пушками и боеприпасами. Как стервятники, над колонной кружат с утра до вечера немецкие бомбардировщики, но не так-то просто попасть с высоты в узенькую ленточку горной дороги. Бомбёжки делали много шума, но потороп от них были небольшие. Хуже бомбёжки — обороняющиеся подразделения противника. Смять бы их, раздавить танками. Но как? Поместиться на дороге может только один танк, и его могут подбить в любую минуту.

Подбитый танк сменяется очередным, чтобы через несколько километров пути вспыхнуть чёрным дымом. В начале пути танк Нины шёл где-то в середине колонны, но чем ближе подходила голова колонны к перевалу, тем всё больше и больше выдвигался её танк вперёд. Михаилу особенно доставалось на этой горной дороге. Постоянно надо быть начеку. То слева провал, то справа, того и гляди, как бы не свалиться в пропасть или не врезаться во впереди идущий танк.

Уже перед самым Дуклинским перевалом разгорелся продолжительный и кровопролитный бой. Немцы здесь заранее оборудовали оборонительный рубеж, пристреляли наиболее заметные на местности точки и чувствовали себя очень уверенно, считая, что их оборону невозможно пройти. А тут ещё начались дожди, и дорога стала почти не проходимой для танков и автомашин. Перед подъёмом на перевал танковой роте дали небольшую передышку. Командир роты нашёл в лесу небольшую, хорошо укрытую вековыми дубами и орешником от немецких самолётов площадку. На неё и собрались танкисты. Они понимали, что такая передышка — минутное дело. Механики-водители, едва остановились, занялись проверкой технического состояния танков. Тяжёлым испытанием оказалась эта дорога. Но «тридцатьчетвёрки» выдержали. Из-за неисправностей никто в батальоне не отстал.

В лесу сыро, неуютно. Мелкий дождик моросит и моросит. В такой непролазной жиже не то что на перевал подниматься, а танки с места не смогут сдвинуться. Вечером, когда танкисты наскоро поужинали, командир роты созвал командиров взводов и экипажей. Устроились под густоветвистым дубом.

Лампочку, горевшую от аккумулятора, не маскировали — никто в такую темень и за дождём её не увидит. Командир роты ознакомил с задачей, поставленной комбатом:

— Дело такое, ребята. Достаньте карты. Смотрите! Вот перед нами высотка. Мы — ниже. На высотке — укрепленный оборонительный узел. Его надо взять во что бы то ни стало, взять с тыла. Наша рота ударом с высоты... смотрите южнее — с... вот с этой... должна разгромить этот узел. Ясно?

Все с удивлением уставились на командира роты.

— Ну, чего смотрите? Спрашивайте...

— А без загадок нельзя? — спросила Нина. — У нас крыльев нет.

— В том и задача, чтобы без крыльев попасть на ту высотку. И чтоб завтра к середине дня. И ударить так, чтобы мокрое место от фрицев осталось. Подниматься будем вот здесь. Смотрите на карте... Отсюда танкам надо подняться на вершину, а там уже сами скатимся. Помогать нам будет рота сапёров. Но и самим тоже надо думать.

Кто-то уже успел посчитать, что надо сделать подъём почти на километр по высоте и десять с лишним километров пути подъёма по бездорожью. За подня не успеть. Только бы дождь прекратился...

— Успеть обязаны. Нас стрелковые роты там ждать будут. Без нас всем будет плохо, — ответил командир роты спокойно.

Верил ли он в возможность пройти? Или он старался поверить в это, чтоб и остальные поверили?

Ночь стояла прохладная, ветреная. Нина почти не заснула, проворочавшись на жёстком брезенте, прикрывавшем траву и ветки, собранные в лесу. Ребята в танке, кто где смог, уснули. Михаил так измотался за день, что уснул, едва прикоснувшись щекой к свёрнутой телогрейке.

Нина проснулась рано и долго лежала, размышляла. Что принесёт этот день? Подняться на горные кручи с танком? Командование говорит: нужно. Значит, можно. Значит, уже с кем-то посоветовались, провели разведку, выбрали маршрут. Только бы танк не подвёл. Но дорога...

Когда Нина заняла своё место в танке, лес уже наполнился грохотом ревущих моторов. Машина командира роты начала прокладывать дорогу в лесу. Позднее Нина узнала, что впереди машины командира роты шёл проводник из сапёрной роты и показывал дорогу. По этой колее двинулись и другие танки. Машина Нины шла, как обычно, третьей.

Михаилу приходилось всё время объезжать могучие стволы дубов. Он понимал, каково приходится впереди идущему танку. Сначала дорога шла под уклон, но вот начался небольшой подъём, и танк забуксовал, зарывшись гусеницами по самые оси катков. Танкисты знали, что делать. Они закрепили бревна на гусеницы — лишь бы под грязью оказался крепкий грунт. Танк сам себя и вытащил. И так по считанным метрам пришлось преодолевать заболоченный участок. А потом, когда подошли к перевалу, с которого надо атаковать противника, стало ещё хуже. Крутой подъём. Земля в лесу превратилась в сплошную жижу от проливного дождя.

— Пойду, посмотрю, — сказал Михаил.

Там он увидел сапёров, которые распутывали толстые тросы. Поднявшись выше, откуда спускались тросы, Михаил понял, что задумало командование. Тут уже всё было подготовлено для подъёма танков. Мощные лебёдки закреплены за толстые, чуть ли не в два обхвата дубы. И так, в несколько этапов, будут поднимать танк до самого перевала.

Михаил прибежал повеселевший.

— Порядок, товарищ лейтенант. Там такая техника, вознесут нас — и глазом не успеем моргнуть. А я думал, своим ходом. Сожгли бы мотор...

И вот танк командира роты, натужно ревя, медленно пополз в гору и скоро скрылся за деревьями. Нина скомандовала Михаилу, чтобы он подошёл танк к месту подъёма. Подошедший командир сапёров приказал всем, кроме механика-водителя, покинуть танк.

— Если сорвётся, то наломает дров. Так что лучше, чтоб все были в стороне.

— А нельзя, чтоб без дров? — с улыбкой на лице, спросил радист Коля.

— Стараемся, — серьёзно ответил командир сапёров. — Там наверху пехота вас заждалась. Они со вчерашнего вечера сидят под дождём, мокрые и голодные. Без танков соваться бесполезно. Ждут, чтобы внезапно атаковать, — объяснил сапёр Нине, когда она с экипажем покинула танк.

Командир сапёров, молоденький капитан, весь промок до нитки, и не известно, от чего — то ли от дождя, то ли от пота, — от капитана шёл пар. Оборудовать такую горную переправу ему ещё не приходилось, и поту он тут пролил немало. Капитан так измучен был, что даже не обратил внимания на девушку-танкиста.

Сапёры быстро закрепили тросы на крюках танка, объяснили Михаилу, как держать скорость и какой, в случае чего, ждать беды. Михаил заверил их, чтоб не сомневались. Сделает всё, как надо. Капитан дал команду, и танк полез в гору, на которую смотреть — сердце замирает. Цепляясь за траву, за кустарник, карабкались в стороне за танком танкисты. Метров через пятьдесят танк остановился в выемке, выкопанной сапёрами. Тут его прицепили за другие тросы, и снова начался подъём. Так с пятью остановками танк поднялся на гребень высоты. Дальше тропа была каменистая, и танки пошли в гору своим ходом. В район сосредоточения вышло только три танка из пяти. Один застрял в болоте, у другого отказал мотор.

— Трое нас, — доложил командир роты, когда прибыл к командиру стрелкового батальона, с которым надо будет штурмовать укрепленный узел противника.

— Три — это здорово! И как вы тут оказались? Ни за что бы не поверил, если бы тут ты не стоял, — удивился командир батальона, пожилой майор. — Мне ещё вчера сказали — будут тебя поддерживать танки. Думал, так, для успокоения говорят. Приказали без танков не наступать, немцы с этой стороны даже охранения не поставили. В шестнадцать часов начало атаки. Готов?!

— Почти. Покажи, куда нам стрелять. Тут же сплошной лес. По своим бы не попасть.

— Смотри! — комбат развернул карту. — Видишь, высота? Это — мы с тобой. Слева наступают чехи — боевые ребята. А вот лес кончается, там позиции противника. Там то ли два дота, то ли танки закопанные, не разберёшь по звуку. Вот их тебе надо выковырнуть...

Нина осмотрела танк, проверила пушку, пулемёт. Приказала Семёну протереть снаряды, вместе протёрли ствол пушки.

Ровно в шестнадцать ноль-ноль начался бой. Немцев ошеломило появление танков и пехоты в своём тылу, и они сдались почти без сопротивления. Только один, хорошо замаскированный и закопанный танк, долго вёл огонь, пока танкисты не разглядели, где он запрятался. Несколько прямых попаданий заставили его замолчать.

Дорога на Дуклинский перевал была открыта. За этот бой Нина, в числе немногих советских солдат и командиров, была награждена чехословацким правительством медалью “За Дуклю”.

Бои велись за перевалы, господствующие высоты, за главные дороги. Немецкое командование подтянуло резервы, да и восстание словаков начало угасать из-за кровавого террора, какой развязали по всему краю немецкие войска. Только в конце года танковую бригаду отвели в резерв Ставки Верховного командования. Через месяц её, укомплектованную новыми танками и личным составом, перебросили на участок наступающих войск западнее Сандомира.

В наступательных боях танк Нины Бондарь прошёл, прокладывая огнём и гусеницами танка дорогу пехоте, от Сандомира до Ченстохова, по Домбровскому угольному району на Фрейштадт — Гольдберг — Ауэр и уже с другой стороны, с севера, принял участие в освобождении городов Тропау, Мораво-Островска. Тут вместе с товарищами отсалютовала Нина в честь Победы из танковой пушки, выпустив снаряд в сторону Берлина.

В конце войны Нину наградили ещё одним орденом. Ходили слухи, что якобы командир бригады писал представление к высокому званию Героя

Советского Союза. Но командование посчитало, что будет достаточно Красного Знамени...

Нина очнулась от воспоминаний, услышав громкий голос Клавы:

— Через пять минут будем садиться!

В окно показался до боли знакомый аэродром. Клава легко посадила самолёт.

— Вот ты и дома. Я прилечу через три дня. Не опаздывай.

— Хорошо, — ответила Нина, и они крепко обнялись.

Нина вышла из самолёта и направилась к машине, куда загрузили почту, прилетевшую вместе с Ниной.

Вот и родной дом. Чувство радости охватывает Нину, сердце учащённо бьётся в груди. Рывком открывает калитку. Во дворе мама с бабушкой копаются в огороде.

— Мама, бабуля! Я вернулась!

Нина бросается в объятия. Слезы радости не дают никому произнести ни слова.

Пройдёт ещё несколько лет, и она услышит волшебные слова:

— Нина! Бондарь! Я, как и обещал, нашёл тебя.

И она увидит его, того самого паренька-сержанта, что встретился ей на переправе через Вислу, — Петра Ширяева. И вскоре не станет Нины Бондарь, потому что появится Нина Ширяева.